

ДЫХАНЬЕ СТАРИНЫ...

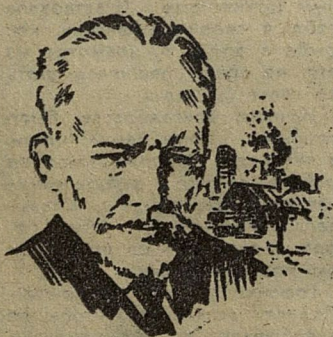
И ВОТ я снова в этом городе, который так широко и привольно раскинулся среди полей, окаймленных синим лесом. Здесь произошла моя первая встреча с Отечеством, та встреча, с которой начинается понятие Родины. Здесь впервые ощутил я гармонию нашей русской природы, по-настоящему почувствовал, увидел красоту родной земли.

Каждый раз, когда прежде бывал в этом городе, открывал в его панораме что-то новое. Он рос. Строились не дома — целые улицы, кварталы, микрорайоны. Я смотрел на него с высокого каменистого берега, клином врезанного, в излучину реки Сестры, и радовался его новостройкам. Ибо старый город без новизны всегда кажется бездетной семьей.

Смотрел и не предполагал, что когда-нибудь придется о нем писать. Может быть, потому, что многое тут стало уже привычным и хорошо знакомым. А может быть, и оттого, что о городе много писали с той теплотой и нежностью, которые сами по себе были искренни и трогательны. В этом, очевидно, и причина, что не вникал я, не задумывался над устоявшимся газетным термином — «город музыки». Для Клина он казался вполне естественным. Здесь прошли последние годы жизни Петра Ильича Чайковского. Здесь он создал самые значительные свои произведения: за сорок дней сочинил балет «Спящая красавица», закончил инструментальную «Пиковую даму», написал Шестую симфонию... Город этот стал заповедником, местом традиционного паломничества почитателей таланта великого композитора.

И вот теперь, спустя несколько лет, вдруг понял, что не смогу сказать о КLINE привычных слов — «город музыки». И не потому, что он сильно изменился за последние годы. Откровенно говоря, город показался в чем-то даже лучше, моложе. Но прежде чем говорить об увиденном, скажу об услышанном о нем рассказе. Его поведал мне случайный знакомый, инженер из Клина. Мы жили в одной гостинице.

— Сколько раз бывал в Клину и не могу к нему привыкнуть. Не знаю, в чем тут дело. Может быть, в особой красоте природы? Идешь, скажешь, лесной тропой, и вдруг перед тобой выстраивается хоросод острокопечных елок или появляется огромная поляна в белых ромашках, а то расступится внезапно лес, и сквозь хрупкие березы открываются такие просторы! А где-то вдали деревушка. И дым из трубы вырисовывается, разливаясь по небу, причудливые облачные фигуры... В такие минуты мысли как-то сами по себе уходят в прошлое. С необыкновенной ясностью представляешь, как здесь, именно здесь, по этим тропинкам, по этим местам ходил чародей, писал здесь музыку, любовался открывшейся далью, собирал ландыши. И как-то сам ты уже лучше становишься, возвышеннее, будто настолько приблизился к великому человеку, что стал он твоим личным знакомым. А если хорошенько прислушаться, кажется, можно даже различить, как по-разному, будто голоса в большом оркестре, шумят деревья: то пленительно-задумчиво, то страстно-ликующе, то тревожно и мужественно. Как и сама музыка Чайковского. И дело не только в воображении. В каком еще городе есть такой дом, который сохранил бы в своих стенах столько неповторимых воспоминаний, столько

следов и примет жизни великого русского композитора!

В Доме-музее Чайковского все сохранено так, как было при его жизни. Даже многочисленные фотографии висят там же, где их развешивал когда-то Петр Ильич. В цент-

ПИСЬМА ИЗ КЛИНА

ре гостиной — рояль, клавишей которого касались гениальные руки. Здесь же его костюмы, дирижерские палочки, с которыми он выходил на концерты. А в спальне, в левом углу, — рабочий стол композитора, за которым была написана Шестая симфония. Балкон-«фонарик», где он любил пить чай. И сейчас там стоит его любимая фарфоровая чашка, раскрыта тетрадь с его торопливыми пометками. И чудится, что вот только сейчас Петр Ильич встал и отошел от стола...

Для нас, современников, этот дом в Клину не только бывшее жилище композитора. Это — его внутренний мир. И не удивительно, что сюда, на встречу с ним, приезжают не только со всех краев нашей страны, но и из-за рубежа. Здесь были американские пианисты Жером Ловенталь и Ван Клиберн, дирижер Леопольд Стоковский, советский скрипач Валерий Климов, композиторы Хачатурян, Кац и многие другие. Поистине всенародно уважение к Дому Чайковского.

Мой собеседник сделал паузу, словно обдумывая свои же слова. Потом заговорил снова. Голос его стал озабоченным, появились нотки беспокойства.

— Вы можете спросить, зачем я все это рассказываю? Отвечу: что-то странное произошло. Как-то вроде и прежде я смотрел на город, но, очевидно, мало видел, много не замечал. А тут как-то в будний день был свободен и вышел на улицу. Просто так, пройтись. Шел, куда глаза глядят. И вдруг... Я обратил внимание на новые жилые кварталы. Они уже наступают на лес, и строители мало-помалу начинают его «осваивать».

Возле небольшого здания концертного зала, ограждающего от пыли и шоссейного шума усадьбу Чайковского, стихийно устраивают автостоянку. Десятки, а то и сотни людей томятся возле машин. Дом-музей, естественно, не в состоянии обслужить сразу всех приехавших, а коммат ожидания для экскурсантов нет. Можно было бы, конечно, осмотреть села Майданово, Фроловское, которые также связаны с жизнью Чайковского, или другие памятные места, а их в окрестностях Клина немало. Однако не все они отмечены даже мемориальными досками. Наконец, можно было бы ознакомиться с редким памятником древней архитектуры XVI века — Успенским собором. Им еще в

начале нашего века воздвигался художник Аполлинарий Васнецов. Но и от его посещения становится грустно, потому что собор в крайне запущенном состоянии: облезлые стены, выбитые окна, вокруг свалки мусора. Видно, не всегда еще мы умеем беречь свои достопримечательности.

Досадно все это. Особенно для Клина — «города музыки», как его называют. Уходит неповторимая старина, вообще сгинет, если не заботиться об этом. Да что там говорить, когда единственную небольшую улочку, сохранившуюся от старого Клина, по которой ходил Чайковский и которая названа его именем, будут скоро сносить. Под новое, современное домостроение. Но ведь не ради старины она нужна. В ней, как и во многом другом, — история города. Его своеобразие, его неповторимость, его, наконец, лицо. Одним словом, то, чем мы по праву должны гордиться.

Говорю все это с одной только целью. Хочу заразить вас своим отношением к городу, к его природе, памятным местам, которые, ей богу, достойны внимания, любви и изучения. Поезжайте в Клину, сами все увидите...

И ВОТ я снова в этом городе. Конечно же, я воспринимал Клину сквозь призму того, что видел и знал о нем несколько лет назад. С самого начала, можно сказать, не повезло. В единственной гостинице — всего на пятьдесят номеров — уже целую неделю не было свободных мест. Раньше, помнится, всегда были. А теперь вот нет. Ночлег пришлось искать в ближайшей деревеньке. Однако, как выяснилось, и она была забита туристами, командировочными, туристами. А последних, кстати, в Клину бывает ежегодно более 100 тысяч человек. В 1966 году их было всего около 50 тысяч.

Время, конечно, многое изменило. Серый булыжник покрыл асфальт. Вместо провинциальных домиков выросли уже не только пяти-, но и девятиэтажные дома, в которых проживает теперь свыше 80 тысяч человек.

Сегодняшний Клину — это город труда. В утренние часы десятки тысяч людей, облепив автобусы, спешат на крупнейший комбинат искусственного волокна, стекольный и термометровый заводы, молочный или лабораторных приборов, на строительные площадки или экспериментальную фабрику спорттоваров...

Характерные черты, свойственные современному городу, приобрели построенные главным образом в последнее время магазины и кафе с большими стеклянными витринами. Есть тут и детско-юношеская спортивная школа, и широкоэкранный кинотеатр. Всего не перечислишь. И с каждым годом продолжает расти. Реконструируются и расширяются некоторые производства. Строятся новые микрорайоны. Сооружается плавательный бассейн... Словом, город живет полнокровной и разнообразной жизнью.

Однако не один день ходил я по Клину, вглядываясь в его черты и старье, и больше молодые и, честно говоря, вспоминал своего соседа по гостинице: у меня, как ни пытался настроиться, не создавалось ощущения, что это именно Клину, город, который величают заповедником. Да и что, собственно, сейчас напоминает об этом? Единственная в городе музыкальная школа, носящая имя великого композитора? Мемориальный Дом-музей? А что еще? Но, может быть, он переживает переходную пору? Может быть, в поиске самого себя, в осмыслении своего будущего и своей роли в будущем страны? Какая же судьба уготована Клину? Об этом — в следующем письме.

Вл. АХЛОМОВ.

КЛИН — МАЙДАНОВО — ФРОЛОВСКОЕ — МОСКВА.